

КОМФОРТ, КОТОРЫЙ МЕШАЕТ ПРОГРЕССУ

Дмитрий Ольшанский

Дмитрий Ольшанский — журналист, публицист, бывший главный редактор журнала «Русская жизнь»

Все реальные политические субъекты — это разного рода бизнесмены или чиновники, люди чаще всего непубличные. Они вряд ли рассуждают в таких категориях, как прогресс или реакция, когда принимают важные политические решения. Использование этих понятий — игра, которая существует среди интеллигентных людей, увлекающихся идеологическими вопросами. Наверное, они могут спорить друг с другом по проблемам отношения к России до 1918 года, отношения к России до 1991 года. Соответственно, люди, которые говорят о том, что какая-то прошлая версия была хороша, а нынешняя не очень, оказываются реакционерами.

Мы можем говорить о том, что сто или сто двадцать лет назад были люди, которые с большим или меньшим энтузиазмом относились к неким формам технологического прогресса, расшире-

нию допуска каких-то людей к системе образования и так далее. Существовали люди, сопротивлявшиеся демократизации или индустриализации, урбанизации, другим явлениям времени. Или, например, люди, которые в позднем Советском Союзе оплакивали судьбу русской деревни. Вероятно, можно сказать, что они были реакционерами. Но это не имеет никакого отношения к современной политике. Точно так же, как и люди, которые ностальгируют по советской символике или чему-то другому. **Но реальная политика современной России — не вопрос каких бы то ни было идей, связанных с образами прошлого, негативного или положительного.**

Инициативы руководства страны, которые можно расценивать как прогрессивные, оказываются заблокированы не потому, что этим инициативам кто-то сопротивляется. Нет, они блокируются просто потому, что практически не осуществимы в ситуации, когда единственной мотивацией реального принятия решения — не того, что слышно в телевизоре, а мелкого, местного, настоящего принятия реального решения — является частная выгода. Причем частная не в смысле частного бизнеса, а в смысле частных лиц. Очень сложно модернизировать страну, не строя хорошие, удобные дороги. Но от того, сколько будет раскрадено на этой стройке, помрачится воображение.

Блокирует новации не реакция, а то, что неправильно называется словом «коррупция», неработающая система, и я не уверен, что она может как-то модернизироваться. По многим причинам частные интересы не блокировали

решения властей, например, в Советском Союзе — тогда существовал совершенно другой тип элиты, связанный другими мотивациями, которые складывались, с одной стороны, из определенного идейного гипнотизма, с другой стороны, из страха перед довольно жесткой государственной машиной. Когда это все рухнуло, на смену не пришло ничего, кроме материального комфорта и потребления, что и плохо, и хорошо одновременно. Комфорт и потребление категорически меняют мотивацию людей. Становилось все меньше и меньше мотиваций человека, который должен что-то сделать: иначе его снимут и посадят. Все больше становилось мотиваций человека, который решает свои частные задачи исходя из того кормления, на которое «подсажен».

Так что в определенном смысле можно утверждать, что общество потребления с необходимостью меняет отношение к прогрессу и подменяет его частным интересом. Но в определенных местах существуют встречные механизмы борьбы. Существует, например, сильная университетская культура, которая позволяет людям думать не только о недвижимости, ресторанах и прочее. Но, к сожалению, в странах третьего мира, видимо, этого нет. Нет иммунитета, нет никакой встречной реакции, все просто разлагается. Я не вижу, что могло бы достаточно легко и естественно эту ситуацию победить, потому что речь идет о системе. ■

Специально для Ярославского
Форума